

КУЛЬТУРА КАК УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ (ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья посвящена проблеме тотально-утопического характера реализации культурного проекта, проявляющегося в гносеологической редукции объективной реальности. На материале архаичной, античной, средневековой и нововременной культуры рассматривается процесс эволюции сознания - от мифологических форм интерпретации до философской рефлексии современности. Проблема актуализируется в русле более широкой тематики - идентификации личности.

Пространственно-смысловой континуум (ПСК) - первая модель культуры, сконструированная человеком разумным, в содержании и функционировании которой отношение бытия и мышления носит характер тождества. ПСК является рабочей моделью культуры достаточно продолжительное время - вплоть до возникновения христианства, хотя деконструкция этой модели наметилась уже в античной метафизике и драматургии. Мы полагаем, что основным содержанием культуры как специфически человеческого способа адаптации к миру и условием ее функционирования является последовательное и прогрессирующее расщепление реальности, причины которого кроются в способности человека к целеполаганию и целепретворению.

Универсалия, наиболее емко описывающая ПСК - тотем (или тотемное тело, поскольку ему свойственно простирается и заполнять собою), относительно которого идентифицируются и дифференцируются различные явления реальности, рефлекслируемой мифологическим сознанием, а также определяется положение носителя этого сознания в общей картине мира. Поскольку тотем не предполагает ничего вне (ни в качестве реального, ни в качестве возможного) и является исчерпывающим все жизненное разнообразие («божественный избыток красоты», по удачной метафоре Нерво), то он есть абсолютное тождество онтогносеологического, аксиологического и практического моментов: тотем есть, он есть субъект и объект мысли, он есть субъект/объект действия/воздействия. Это положение можно проиллюстрировать тем фактом, что в архаичной культуре, как преимущественно жестуальной, знание устойчиво ассоциируется с усвоением (об этом свидетельствуют как практики, например ритуальная антропофагия, так и устойчивые метафоры, пережившие архаику - библ. «вошел и познал» и т.п.); цетафора же, как мы полагаем, вовсе не всегда является художественным приемом (по крайней мере, тексты первобытной культуры никак нельзя отнести к художественному творчеству), а скорее - способом соотнесения несопоставимых явлений реальности, за внешним различием которых человек угадывал структурное сходство, которое мог выразить только поэтически (а не понятийно и не категориально) и понимал не в «переносном», а в буквальном смысле.

Уже на примере ПСК можно убедиться в способности модели культуры к существенным или даже сущностным трансформациям, при том, что сущность самой культуры является неизменной и заключается в «мета-физировании». «Природа» (один из первых образов пространства, возникший одновременно с «родом»), переживаемая аффективно, является, с одной стороны, условием, а с другой - содержанием человеческой памяти. Память и осознаваемая человеком не-

равномерность распределения тотемного тела между отдельными его частями (в виде последовательности участков большей и меньшей сгущенности) способствуют формированию образа Другого. Буквальный перевод слова «тотем» - «его род». На наш взгляд, Другой - это первый канал, по которому осуществляется отток реальности. Происхождение Другого неясно, а положение в ПСК вариативно: оно предстает то как отчужденная часть самого тотемного тела, то как окружающая тотемное тело зияющая и всепоглощающая, активная, но неструктурированная масса. Вся история человечества есть культура, т.е. исход из ло-на природы в качестве Другого.

Другой является обеспечением рефлексии (самой возможностью дистанцирования), свидетельством начала расщепления сознания (собственно рефлексия) и реальности (культура как утопия). Все практики ПСК осуществляются в духе дискурса удержания, так как идеалом, воспроизводимым в них, является ретроспективный образ - образ предка. Но более могущественным, на наш взгляд, оказывается фактор предпосылания образа действия самому действию (в виде цели). Отношение к реальности в пределах архаики оказывается более сложным, чем кажется на первый взгляд. Практикам удержания (к которым, несомненно, относятся обряды и ритуалы) противостоит тенденция классификации/дифференциации мира, заявившая о себе в номинации и первых попытках структурирования культурных объектов посредством их произвольного членения и сочетания.

Культура архаики не ведает пустоты (не в силу ее боязни и сознательного избегания, но в силу ее невозможности, - т.е. немыслимости в пределах действия парадигмы удержания полноты, т.е. ПСК). Полноте в ней ничто не противопоставляется; идея дискретности и зачатки темпоральности содержатся в архаичной культуре в виде ощущения неравномерности распределения полноты (чередования «сгустков» материи с участками относительной разреженности) и сакрального ужаса при столкновении с инобытием, т.е. бытием Другого. Поэтому оперативный арсенал ограничивается, если использовать музыковедческую терминологию, экспозицией, - т.е. проблематизацией и тематизацией (что подтверждает наше положение о жестуальном характере архаичной культуры). Констатация и произвольное сочетание элементов освоенного тотемного тела как приемы культурного моделирования характерны не только для ПСК, но и для культуры Средневековья с ее комбинаторикой (бестиарии, живопись И. Босха и т.п.) и для периодов активации поисков в области формообразования вообще. Интерпретация реальности в текстах архаики ограничивается элементарными композиционными схемами: экс-

позиция материала - повтор (буквальный, или тавтология, и модифицированный, или вариация). Наибольшую свободу интерпретации допускает кумуляция - поиск взаимозависимостей (реальных или мнимых), осуществляемый «методом тыка», - т.е. интуитивно. Кумуляция основана на принципе нанизывания (NB: множество древних поэтических собраний содержит, хотя бы в названии, образ ожерелья, а символом судьбы во многих культурах является нить - как способ соединения событий в последовательность, алогичную либо детерминированную). Возможности кумуляции трудно переоценить: только она, как чистая логика развертывания, позволяет производить неожиданные и богатые следствиями сопоставления. Кумулятивный момент содержится не только в фольклоре, но и в абсурдистской традиции XX в. и вообще свойствен сатирической, обостренно дистанцированной позиции. Явление большего масштаба, чем кумуляция, и включающее последнюю в качестве одного из приемов - это описание. Аксиоматическая часть любой фундаментальной науки представляет собой набор констатации, более или менее подробно описывающих реальность исследуемого объекта. Преобладание у человека визуальных каналов восприятия информации над прочими во многом обуславливает и объясняет характер познавательной деятельности, верификационная часть которой на до-теоретическом этапе целиком сводится к зрительному удостоверению («что увидел, то и спел»). Отсутствие интерпретационного момента в описании совершенно его обесмысливает. Интерпретативный момент содержится не только в отборе репрезентируемого материала, но также в последовательности его организации и внутренних членениях целого. Приведенные доводы, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствуют в пользу того, что утопическое мышление является не прерогативой нововременной культуры, а свойственно культуре вообще, и архаичным культурам в частности, что подтверждается наличием в них таких способов осмысления действительности, которые, будучи направленными на удержание онтогносеологической целостности, тем не менее обусловлены начавшимся процессом расщепления реальности. Констатация и другие доступные мифологическому сознанию формы интерпретации действительности не в меньшей степени предполагают рефлексивное дистанцирование, нежели развитые философские системы, поэтому мы склонны настаивать на том, что культура с самого ее возникновения была утопическим проектом. Только для человека свойственно такое освоение действительности, при котором никакое количество и качество информации не является достаточным и потребность в ней возрастает, а интерпретация становится неизбежной в силу того, что человеческое мышление не удовлетворяется очевидным и угадывает больше взаимосвязей между явлениями, чем это есть на самом деле, т.е. действует по схеме «от сложного - к простому» (такими усложняющими реальность предположениями были и есть Бог, закон и т.п.).

Дифференциации реальности, наметившейся в практиках номинации и интерпретации, противостоит некоторое время центростремительная сила удержания. Поскольку древний человек - стихийный материа-

лист, то связка усвоение - познание может иметь и другой вариант: усвоение - поддержание энергетического баланса. Интересно отметить следующую деталь: для гимнов и эпических повествований характерно обращение к богам в качестве «пролога» к изложению просьбы/хвальбы или коллизии. Помимо концентрации внимания слушателей эта часть произведения имеет еще одну, более существенную, функцию. Поскольку имя является продолжением физического тела обозначаемого, то его произнесение способствует воздействию на обозначаемое. Из этого следует важная вещь: возможно, взывание к богам использовалось, как и номинация, и речь вообще, в качестве меры, предохраняющей мир от исчезновения, которым ему постоянно угрожал Другой (позже - хаос, небытие, расширение Вселенной), и от изменений, которые также воспринимались как симптом деградации реальности (это беспокойство, судя по всему, постоянно преследовало человека, взяв хотя бы представление об истории человечества как о смене Золотого, Серебряного, Бронзового и Железного веков).

Для структурирования мира по образцу рода достаточно оперировать двумя категориями — сходства (подобия, тождества) и различия (подробное рассмотрение этих фигур мышления в их взаимной сменяемости предпринял М. Фуко). На определенном этапе различие возбладает над сходством и парадигма удержания сменяется парадигмой преодоления. Первый «антропологический тупик» (термин Погоняйло А.Г.) связан с кризисом греческой культуры, самосознание которой усматривает корень зла в избыточности человеческого присутствия, которую предлагается снимать посредством деиндивидуации (что осуществляется в ходе различного рода коллективных действий, заключаемых катарсисом). Ужас, испытываемый античной культурой, мог быть связан с предощущением катастрофического распада ПСК на «автономные» пространство и время, прообразы которых даны в категории индивидуальной судьбы. Обвинения Ф. Ницше в адрес Сократа и Платона связаны именно с тем, что их философия стала теоретическим обоснованием мета-физической нетерпимости к бытию (в форме разведения «видимого» и «сущностного»). То, чем современный человек так восторгается в греческой культуре, на самом деле является симптомом ее кризиса и попыткой его преодоления. Достижения греков в области искусства, геометрии и проч. способов овладения реальностью, как то: «симметрия», «пропорция», «золотое сечение», «число», а также метроритмическая организация речи (поэзия) - можно рассматривать как способ нормирования пространства, как практику репрессий по отношению к неподдающемуся, избыточному бытию. Характерно, что основным прегрешением человека перед богами является самобольщение своими возможностями, наказуемое безумием (дерзновенному разуму - тьма неразумия: случай Геракла), смертью (смерть как мера жизни для превысившего норму: случай Икара) и пыткой недостижением цели (танталовы муки и сизифов труд). То, что называется греческой мудростью, есть кротость разума (пр., мудрость Эдипа), его покорность Судьбе. В этом ключе можно рассматривать смысл наказания как символическую кастрацию сознания - нейтрали-

зацию Логоса/гнозиса, значение которого в культуре начинает заметно возобладать над «коллективным бессознательным» (т.е. родовым сознанием) в той же древнегреческой культуре. Но есть еще «случай Прометея» - добровольная жертва силам, противостоящим культурному прогрессу (интересная деталь: когда «бытие человека» начинает пониматься однозначно, - как «культура», оно вместе с тем начинает противопоставляться природе - как естественному бытию, хаосу и стихии). Одна из удачнейших метафор человеческого существования - образ Мюнхгаузена, тянущего себя за волосы из болота.

Мы опускаем этапы мутации ПСК и обращаемся к следующей принципиальной пространственной модели культуры - средневековой. В ней вдохновенная поэтичность сочетается с суровыми рационализмом и детерминизмом, характерными и для последующей, нововременной эпохи. Проблема соотношения «души» и «тела» есть, по сути, модификация рассуждений о структуре бытия. Душа, или Дух, Промысел Божий, посмертное существование души, Рай - все это - «производные» категории времени, его интерпретации (идеи «судьбы» и «истории» также являются «частными случаями» линейного времени). Утопизм средневековой картины мира заключается в том, что каждому измерению времени приписывается обладание собственным пространством: так возникают Священная История, Земля Обетованная, «Рай» и т.п. - не как возможные модусы бытия, но как вполне реальные. Вообще Средневековые чрезвычайно обильно на изобретения. Взять хотя бы символ, с которого фактически начинают свое существование двусмысленные объекты, населяющие реальное пространство бытия наравне с обыденными вещами. Схоластика, а затем Декарт, Кант и др. немало способствовали тому, что Дух/сознание начинает предпосылаться реальности и служить доказательством ее существования, а время пред-восхищает пространство (перспективное видение - ясно-видение, т.е. пред-видение). Дискурс преодоления утверждается не без противодействия народной традиции, в значительной степени сохранившей установку на воспроизводство, т.е. удержание родовых ценностей. С конца Средневековья и до Нового

времени борьба этих двух тенденций принимает вид соперничества элитарной и народной/низовой (массовой) культуры. Трагедия Дон Кихота - не в его неадекватности, а в необходимости выбора (выбор - это модус времени) между обыденной реальностью и реальностью возможного, идеала. Трагедия Гамлета - также в выборе (между «быть» и «не быть» собственной идентичности). Художественными примерами нетрагического бытия являются «Декамерон» и «Гаргантюа и Пантагрюэль» (для традиционной картины мира, опирающейся на циклическую концепцию времени, не свойствен детерминизм с присущим ему трагизмом; все вариативно - можно «переиграть»). Основной утопией Средневековья было прочтение бытия как «Книги Природы» и «Библии».

Более поздний по времени кризис антропоцентризма приходится на рубеж XIX - XX вв. и сопровождается, как и предшествующий, активацией формообразовательных поисков. Символизм и абстракционизм, сюрреализм и техника коллажа являют последовательное движение от предельной смысловой нагруженности изображаемого принятыми в культуре смыслами к раскрепощению реальности и деконструкции значения вообще. Избыточность мира заявляет о себе как поли-культурность, которой противостоят малоуспешные попытки «интеграции», «геоохвата» и проч. Тотальность культуры (насильственная всюдность ее утопизма хорошо прослеживается на примере экспансии сознания в метафоре «мыслящий тростник») обеспечивается «виртуальным» (а не реальным) успехом личности, жесткой стандартизацией пространства (как общественного, так и личного) посредством моды, рекламы и проч. Можно говорить о новом пространственно-смысловом континууме в том смысле, что пространство-время раскручивается, подобно ленточному червю, - бесконечное и лишенное какого-либо центра (концепции, интерпретации и проч.). Специфика и трагедия культуры на данном этапе ее существования заключается в том, что ее смыслом становится изживание самой себя, самоутверждение посредством самоуничтожения - «информация», в отличие от «текста», не нуждается ни в интерпретации, ни в интерпретаторе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Видгоф В.М. Целостность эстетического сознания: деятельностный подход. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992.
2. Видгоф В.М. Целостная модель человеческой эмоциональности // Вестник ТГУ. Бюл. операт. научн. информации № 6. 2001, август. 91 с.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Academia, 1998.
4. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М: РОССПЭН, 2000.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - Текст-Семиосфера- История. М.: Языки русской культуры, 1999.
6. Интенциональность и текстуальность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
7. Малые формы фольклора. М.: Фирма РАН «Восточная лит-ра», 1995.
8. Корневище 2000. Книга неклассической эстетики.
9. Никулин Д.В. Пространство и время в метафизике XVII в. Новосибирск: Наука, 1993.
10. Осипов А.И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности. Минск: Наука и техника, 1989.
11. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. М.: Ad marginem, 1993.
12. Художественные модели мироздания: В 2 кн. М.: НИИ РАО, 1997.
13. Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. М.: Стройиздат, 1986.
14. Ямпольский М. Демон и лабиринт. М.: Ad marginem, 1999.

Статья представлена кафедрой этики и эстетики Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 15 ноября 2002 г.